

ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Найвищі досягнення Ф.М. Достоевського як соціального мислителя пов'язанні з розробленням волі особи. В своїх творах він висловлює віру в людину, в його творчі та пізнавальні можливості.

Ключові слова: людина, воля, відповідальність, свідомість, безсвідоме, Бог, Церква.

Наивысшие достижения Ф. М. Достоевского как социального мыслителя связаны с разработкой свободы личности. В своих произведениях он выражает веру в человека, в его творчество и познавательные возможности.

Ключевые слова: человек, свобода, ответственность, сознание, бессознательность, Бог, Церковь.

The top achievements F.M. Dostoevsky as social thought are related to development of individual freedom. In the works he expresses a faith in a man, in his creative and cognitive possibilities.

Key words: man, freedom, responsibility, consciousness, unconscious, God, Church.

Человек есть тайна. Её надо разгадать, и ежели будешь её разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком.

Ф. М. Достоевский

Постановка проблеми. Признание Достоевского великим философом, мыслителем состоялось в XX веке. Его философия опередила время, поэтому современники были не в состоянии в полной мере оценить значение Достоевского-мыслителя. Лишь в XX веке, обещавшим, как представлялось, стать эпохой торжества разума и прогресса, но в действительности оказавшимся переполненным историческими катастрофами, войнами мирового масштаба, небывалыми страданиями огромных масс людей, обратились взоры мыслящего человечества к творчеству Достоевского, позволили оценить всю глубину и пророчивость его пророчества.

Тот факт, что писатель, не оставивший после себя ни одного чисто философского сочинения, является ярким представителем русской философии, оказавшим существенное влияние на ее

развитие, показывает, насколько русская философия отличается от ее классических западных образцов. Здесь главным является не строгость и логичность философских рассуждений, а непосредственное отражение в философских исканиях тех проблем, которые связаны с жизненным выбором каждого человека и без решения которых станет бессмысленным наше существование. Именно такие вопросы и решают герои романов Достоевского, причем главным для них является вопрос об отношении человека к Богу – тот же самый вопрос о сущности веры, только взятый в наиболее принципиальной, метафизической его постановке.

Анализ литературы. Сегодня имя Ф. М. Достоевского известно во всем мире. Его произведения изданы в большинстве стран. Литература о Достоевском огромна. Не будет преувеличе-

нием утверждать, что ни один крупный мыслитель XX столетия не оставил без внимания творчество Достоевского. Его изучали и комментировали Н. Бердяев и Н. Лосский, К. Ясперс и З. Фрейд, Л. Шестов и Вяч. Иванов, Р. Лаут и Р. Гвардини, Д. Мережковский и М. Бахтин, В. Соловьев и Ю. Кудрявцев и др.

Цель статьи – раскрыть многогранность подходов Ф. М. Достоевского к раскрытию тайны человеческой души в контексте современности.

Изложение основного материала. Произведения Достоевского представляют собой своеобразные исследования глубинных оснований человеческого духа, человеческой психики. Один из известных отечественных исследователей его творчества Ю. Г. Кудрявцев выделял в их содержании три слоя или три уровня: событийное, социальное, философское [1]. Событийная сторона не является для Достоевского важнейшей. Событийное и социальное служат мыслителю для того, чтобы глубже раскрыть философское, метафизическое. В этой связи, видимо, справедливы слова Н. Бердяева о том, что «Достоевский не художник-реалист, а экспериментатор, создатель опытной метафизики человеческой природы. Все художество Достоевского есть лишь метод антропологических изысканий и открытий» [2, с. 55]. В романах Достоевского нет ничего эпического, в них нет изображения быта, нет объективного изображения человеческой и природной жизни. Все герои Достоевского только и делают, что ходят друг к другу, разговаривают друг с другом, вовлекаются в водоворот человеческих страстей и судеб. Автор намеренно ставит их в такие ситуации, в которых выходят на поверхность и находят свое выражение самые потаенные и скрытые стороны человеческой природы.

Достоевского привлекает человек, в первую очередь, во всей неисчерпаемой глубине проявлений его душевной жизни. «В своем анализе Достоевский постоянно стремился сосредоточить свой взгляд на «человеческом» в человеке, – отмечает известный исследователь творчества мыслителя Рейнхард Лаут. «Он пытался в единичных порывах выявить и понять душевное единство. Он непрерывно показывал, что имеет дело с живой человеческой душой, а не с комком нервов и влечением. И, наконец, он открывал недоступные области чужого бытия посредством сострадания и любви, которые лишь одни могут их прояснить» [3, с. 31].

В произведениях Достоевского следует усматривать веру в человека, в его творческие и познавательные возможности, в его способность к любви, состраданию, милосердию. Однако эта вера в человека весьма далеко отстоит от романтических и иных представлений, основанных на

идее «радикального добра» в человеческой природе. Напротив, Достоевский сосредотачивает свое внимание на противоречивости человека, на соединении и борьбе в нем светлого и темного. Далеко он и от морализаторства, от того, чтобы ханжески осуждать проявления темных сторон в человеке. Свою задачу он видит не только в том, чтобы исследовать психологию человека, но и в том, чтобы разработать метафизику души, т. е. вскрыть универсальные характеристики душевной жизни человека.

По Достоевскому, любовь и познание суть два главных предназначения человека. Достоевский придавал любви большее значение, чем познанию, хотя не только в любви, но и в познании он видел высшее выражение человеческого бытия. Он говорил о взаимосвязи любви и познания не в формальном, а в подлинном смысле – о познающей любви и о любящем познании. Только в этой связанности оба эти свойства, в конечном счете, становятся плодотворными: «Будешь любить каждую вещь и тайну Божию постигнешь в вещах. Постигнешь однажды и уже неустанно начнешь ее познавать все более и более, на всяк день» [4, с. 289].

Вместе с тем, у Достоевского отчетливо выражены опасения относительно сложности, как любви, так и познания. Человеку предстоит жизненная задача – преодолеть искушения неправильного понимания любви и познания. Любовь к человеку не есть опека над ним, не есть управление и властвование человеком, она не есть и жалость к нему. Любовь несовместима с презрением и неверием в человека. Любовь есть соединение и слияние с родным по духу, с неодинаковым, но равным по достоинству и признанию. Способность любить не всегда дается человеку сразу; ее следует бережно культивировать и развивать.

Познание тоже может быть построено и направлено неправильно. Оно может оказаться разрушительным по отношению к жизни и личности человека. Особое место в творчестве Достоевского занимает критика рассудочного познания. В эпоху торжества науки и распространения позитивных представлений о человеке возникает опасность целиком довериться рассудочному пути. Согласно Достоевскому, ошибка состоит в том, что человек приравняет познание к ограниченной неестественной форме рассудочной мысли, где разум и рассудок противопоставляются жизни и оцениваются выше, чем жизнь. «Теория» ставится выше жизни, жизнь подгоняется под «теорию». Раскольников во время обдумывания и совершения преступления переживает внутреннее раздвоение, раскол между разумом («теорией») и непосредственным чувством. Лишь

впоследствии он пробуждается от своего «теоретического ослепления» и возвращается к чувству: «он не мог в этот вечер долго и постоянно о чем-нибудь думать, он только чувствовал. Вместо диалектики наступила жизнь, и в сознании должно было выработаться что-то совершенно другое» [5, с. 422].

Действительное познание, по мысли Достоевского, осуществляется не разумом, взятым изолированно, а целостным существом человека. Не только в познании, но и во всех своих проявлениях человек ведет себя как целостность, которая может быть разрушена лишь искусственно. Разрушение целостности никогда не остается без отрицательных последствий для человека, для его личности, для его жизни. Целостность человека имеет, однако, сложную структуру. Наряду с сознанием Достоевский выделял в ней бессознательное и сверхсознательное. По его убеждению, сознание, а тем более разум, занимают в составе душевного мира человека весьма малое место. Это не означает умаления разума как высшей способности. Но правда, по Достоевскому, состоит в том, чтобы решиться на признание: жизнь человеческой души на львиную долю состоит из проявлений, не контролируемых разумом. По мнению ряда исследователей, именно Достоевскому принадлежит заслуга не только в открытии бессознательного, но и в описании различных его видов и исследовании их функций.

По Достоевскому, все «человеческое в человеке» коренится исключительно в человеческой душе. Как достоинства, так и человеческие пороки связаны не с телом, а с душой. Со времён Сократа и Платона в европейской мысли сложилась традиция связывать пороки («страсти») с импульсами, идущими от тела. В связи с развитием естествознания, изучением физиологии и анатомии человека все большее внимание стали обращать на биологическую природу человека, надеяясь ее либо положительными (в моральном смысле), либо отрицательными качествами. Достоевский осознанно идет против этих тенденций. С его точки зрения, ни человеческие добродетели, ни порочные наклонности не могут быть объяснены свойствами тела, биологией человека. Все коренится в человеческой душе, прежде всего, в ее бессознательной части.

В человеческой душе заложены самые различные тенденции, как положительные, так и отрицательные. Они различны от человека к человеку. Однако даже те из людей, кто является к нам в чистоте, часто таят в себе безнравственные наклонности. Когда в романе «Идиот» князь Мышкин задается вопрос, не думает ли он, что «на свете гораздо больше воров, чем не воров, и

нет даже такого самого честного человека, который хоть бы раз в жизни чего-нибудь не украл», «Мне кажется, – отмечает князь, что вы говорите правду, но только очень преувеличиваете». Достоевский вложил эту фразу в уста своего чистейшего героя, чтобы показать всю серьезность этой мысли. Задача человека, по Достоевскому, не в том, чтобы скрывать свои пороки даже от самого себя, и не в том, чтобы надеяться достичь абсолютной беспорочности, а в том, чтобы дать безнравственным наклонностям разрастись, не допустить того, чтобы они подчинили себе личность человека, целиком определяли его помыслы и поведение.

Открытие значительной роли бессознательного позволяет Достоевскому вскрыть противоречивость и даже парадоксальность человеческой природы. В человеке живет не только стремление к созиданию, к творчеству (на что обращала особое внимание современная писателю философия), но и жажда разрушения. Конечно, не всякий человек способен, подобно М. Бакунину, открыто заявить, что «страсть к разрушению есть творческая страсть». Однако в душе всякого нормального человека глубоко скрыт потенциал разрушения, который прорывается в определенные моменты жизни. В бессознательном скрыто живет желание разрушить все, даже то, что дорого и близко, с тем, чтобы устремиться к новой, неизвестной жизни. Наконец, по Достоевскому, в человеке, помимо желания счастья, присутствует потребность страдания, в которой он боится признаться, но которая властно повелевает им. Чем же объясняет Достоевский столь удивительную парадоксальность человеческой природы? Коренная причина состоит в том, что есть существо, страстно желающее свободы и страшасьее неслободы. Отношением к свободе и определяются коренные особенности «человеческого в человеке».

Человеку присуще стремление к свободе. Как только человек замечает, что он в определенном плане ограничен, он тут же устремляется против такого ограничения. Люди мирятся с законами природы потому, что при этом им остается еще большее поле свободы. Однако человек немедленно пытается отвергнуть то, что он должен делать исключительно в силу закона или внешнего принуждения. Конечно, он может сделать вид, что подчинился, но все его существо при этом восстает против того, что ему предписано. Если он видит, что не может действовать в соответствии со своими желаниями, то он готов пойти на все, чтобы настоять на своей свободе или уничтожить неслободу. Он проклинает виновника, мешающего его цели, будь то Бог, мировая душа или слепые законы природы. Человек

готов даже к тому, чтобы отвергнуть предписания собственного разума, если ощущает, что они стесняют его свободу. Человек не может согласиться с ролью «штифтика» – «и что же такое человек без желаний, без воли и без хотений, как не штифтик в органном вале?» [6, с. 114].

Человек восстает против такого состояния воли. Воля хочет быть госпожой самой себе, человек хочет своеволия. «Человек, всегда и везде, кто бы он ни был, любил действовать так, как повелевали ему разум и выгода», человеку нужно только свое собственное «свободное и вольное хотение» [6, с. 113].

Подчиниться только велениям разума он не может, даже если при этом стал бы сверхсчастливым. Он должен прибавлять к самым разумным соображениям момент собственной фантазии, чтобы доказать, что он всегда остается свободным человеком, а не «штифтиком». Своеволье защищает самое дорогое и самое главное – нашу личность и нашу индивидуальность. Жизнь есть нечто живое, свободное, а не функционирующее по законам и формулам, она не является чем-то оцепеневшим, мертвым. Всякая же формула, научный закон построены на искусственном омертвлении жизни, на условном исключении из нее момента непредсказуемости и произвола.

Итак, Достоевский выступает против односторонних, рационалистических представлений о человеке (теория «разума эгоизма» и т. п.). Однако размышления мыслителя не сводятся к подчеркиванию стремления к свободе. Достоевский обращает пристальное внимание на этическую сторону проблемы.

По Достоевскому, исключительная важность для человека «свободного и вольного хотения» отнюдь не равнозначна отсутствию нравственных критериев. Напротив, свобода человека возлагает на него всю ответственность за самостоятельный выбор между добром и злом и за все последствия такого выбора. «Все ли дозволено», каковы границы нравственного поведения человека – вопрос, который постоянно интересовал писателя, он неоднократно возвращался к нему, прежде всего, через образы Раскольникова и Ивана Карамазова. Ни Раскольников, ни Иван Карамазов не могут в действительности переступить границу. Им приходится расплачиваться за попытку «преступить» трагедией своей жизни.

Дело не в страхе перед наказанием и не в преклонении перед моральной нормой. Дело, прежде всего в том, что Достоевский исходит из безусловной нравственной ценности всякой человеческой души, всякой человеческой личности, хотя бы и самой падшей. Не все дозволено потому, считает Достоевский, что не дозволено попрание человеческой личности, обращение ее

в средство. Ограничение объема возможностей вытекает, согласно Достоевскому, из отношения к личности, как к безусловной ценности. Посягательство на жизнь и достоинство личности рассматривается им как нарушение самих основ человеческого существования.

Как мы видим, Достоевский выводит на первый план проблему неразрешимой антиноличности человеческого бытия – проблему, которая была одной из самых главных для русской философии и всей русской культуры. Основой и источником этой антиноличности является противоречие между всеобщностью, благостью, вневременностью Бога и эмпирической конкретностью, ущербностью, смертностью человека. Наиболее простой способ разрешения этого противоречия – полагания полного превосходства одной его стороны над другой.

Можно вспомнить, что ради сохранения абсолютной личной свободы и независимости человека Герцен готов был защищать почти атеистические воззрения на мир; славянофилы, наоборот, провозглашали глубокое единство Бога и человека, были вынуждены оставить в стороне проблему фундаментального несовершенства человеческой природы, проблему укорененности зла в ней. Достоевский слишком хорошо видит и все «вершины» человеческого духа, и все его «пропасти», чтобы удовлетвориться такими крайними и потому простыми решениями. Он хочет оправдать перед лицом Бога не только всеобщую духовную сущность человека, но и саму конкретную, неповторимую и ограниченную личность во всем богатстве ее благих и злых проявлений. Но поскольку единство Бога и несовершенного эмпирического человека невозможно осмыслить в терминах классического рационализма, Достоевский радикально порывает с рационалистической традицией. Самое главное в человеке невозможно вывести ни из законов природы, ни из всеобщей сущности Бога. Человек – это уникальное и иррациональное в своей сущности создание, совмещающее в себе самые радикальные противоречия мироздания. В дальнейшем, уже в философии XX века, это утверждение стало главной темой западноевропейского и русского экзистенциализма, и нет ничего удивительного, что представители этого направления справедливо считали Достоевского своим предшественником.

Вслед за А. Пушкиным Достоевский оказался художником, глубоко отразившим в своем творчестве «диссонансный» характер русской культуры и русского мировоззрения в целом. Однако есть и существенное различие во взглядах Пушкина и Достоевского. У Пушкина человек оказывался на «перекрестке» главных проти-

воречий бытия, как бы игрушкой борющихся сил (например, герой «Медного всадника» гибнет в столкновении стихийных сил природы с вечными идеалами и «идолами» цивилизации, олицетворяемыми статуей Петра). У Достоевского человек – уникальный носитель всех этих противоречий после битвы между ними. В своей душе он соединяет и самое низменное, и самое высокое. Наиболее точно это выражено в словах Дмитрия Карамазова: «...иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начнет с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским. Еще страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны, и горит от него сердце его и воистину, воистину горит, как в юные беспорочные годы» [7, с. 123].

И, несмотря на такую противоречивость, человек представляет собой цельность, которую почти невозможно разложить на составляющие и признать вторичной по отношению к какой-то более фундаментальной сущности – даже по отношению к Богу! Это и порождает проблему взаимосвязи Бога и человека, их отношение в определенном смысле становится отношением равноправных сторон, становится подлинным «диалогом», обогащающим обе стороны. Бог дает человеку основу его бытия и высшую систему ценностей для его жизни, но и человек (конкретный эмпирический человек) оказывается иррациональным «дополнением» божественного бытия, обогащающим его за счет своей свободы, своего «своеволия». Недаром центральное место во многих произведениях Достоевского занимают герои, способные на «бунт» против Бога (Раскольников, Кириллов, Иван Карамазов и др.). Именно тот, кто способен на дерзание безграничной свободы, в наибольшей степени соответствует парадоксальному идеалу человека у Достоевского. Только пройдя все искусства «своеволия» и «бунта», человек способен достичь подлинной веры и подлинной надежды на достижение гармонии в своей собственной душе и в окружающем мире.

Все сказанное является только очень предварительным и неточным выражением той новой концепции человека, которая вырастает из художественных образов Достоевского. Для того чтобы конкретизировать и уточнить ее, нужно, прежде всего, обратить внимание на то, как Достоевский понимает взаимоотношения людей в их совместной общественной жизни и как он решает проблему диалектической взаимосвязи уникальной личности и мистического соборного единства, – ту проблему, которая возникла в сочинениях его предшественников. Особенно большое значение для понимания взглядов Достоевского имеет концепция мистической Церкви

А. Хомякова, главного теоретика славянофилов.

А. Хомяков понимал Церковь как мистическое духовно-материальное единство людей, уже в этой, земной жизни соединяющихся друг с другом и с божественной реальностью. При этом он полагал, что мистическое единение людей носит божественно совершенный характер, уже осенено божественной благодарностью. Достоевский целиком принимает идею мистического единства людей, в гораздо большей степени сближает объект мистического чувства с нашей земной действительностью и поэтому не считает это единство божественным и совершенным. Но именно такое «принижение» мистического единства до нашей земной жизни постоянно влияет на поступки и мысли каждого человека.

Мистическое взаимодействие и взаимовлияние людей, остро чувствуемое Достоевским, наглядно отражается в той магической атмосфере всеобщей взаимозависимости, которая наполняет его романы. Присутствие этой магической атмосферы заставляет нас считать почти естественными многие странные черты художественного мира Достоевского: появление всех важнейших персонажей в определенные кульминационные моменты в одной и той же точке романного пространства, разговоры «в унисон», когда один персонаж словно подхватывает и развивает слова и мысли другого, странное угадывание мыслей и предсказание поступков и т. д. Все это внешние знаки той невидимой, мистической сети взаимосвязи, в которую включены герои Достоевского, – даже те, кто ставит целью разрушить эту сеть, вырваться из нее (Верховинский, Свидригайлов, Смердяков и др.).

Возвращаясь к сравнительному анализу концепции соборности Хомяков и представлениям Достоевского о мистическом единстве людей, нужно еще раз подчеркнуть, что главным недостатком концепции Хомяков является ее чрезмерный оптимизм в оценке бытия человека, пребывающего в сфере «истинной» (православной) церкви. У Хомяков мистическая Церковь – это и есть божественное бытие, и получается, что человек уже причастен к идеалу в земной жизни. Достоевский отвергает столь простое решение всех земных проблем, для него иррационально мистическое единство людей, реализованное в земной жизни, отличается от того единства, которое должно осуществиться в Боге. Более того, последнее единство оказывается просто некоторой предельной целью, некоторым идеалом, возможность воплощения которого становится под сомнение или даже отрицается.

Достоевский не очень верит в окончательную (и тем более простую) достижимость идеального состояния человека, человечества, всего

мирового бытия; это идеальное состояние пугает его своей «неподвижностью», даже какой-то «мертвенностью» (особенно выразительное подтверждение этой мысли дают повесть «Записки из подполья» и рассказ «Сон смешного человека»). Именно земное, несовершенное, полное противоречий и конфликтов единство людей он признает насущным и спасительным для человека; вне этого единства никто из нас не может существовать.

Не менее радикальное расхождение Достоевского с Хомяковым касается оценки индивидуальной свободы и самобытности личности. Достоевский признавал, что на него оказал огромное влияние А. Герцен, он глубоко воспринял идею Герцена об абсолютной безусловности личности и ее свободы. Но, как это ни парадоксально, он соединил эту идею с хомяковским принципом мистического единства людей, снимал полярную противоположность двух подходов к пониманию человека. Как и Герцен, Достоевский утверждал абсолютность личности, однако при этом он настаивает на том, что ценность и независимость каждого из нас имеют основой мистические взаимосвязи с другими людьми. Как только человек обрывает эти взаимосвязи, он теряет себя, теряет основу для своего индивидуального бытия. Это происходит, например, с Раскольниковым и Ставрогиним. С другой стороны, как и Хомяков, Достоевский признает реально существующим всеобщее мистическое единство людей, признает наличие некоторого «силового поля» отношений, в которые включен каждый человек. Однако само это «силовое поле» не может существовать иначе, как только будучи воплощенным в отдельной личности, становящейся как бы центром поля взаимодействий.

Мистическая Церковь Хомяков все же возвышается над отдельными людьми и может быть понята как всеобщее, растворяющее единичное. Для Достоевского ничего всеобщего не существует (эта мысль ясно выражена в исследованиях М. Бахтина о Достоевском), поэтому даже единство, охватывающее людей, предстает у него олицетворенным той или иной личностью. Это единство как бы концентрируется и становится зримым в отдельной личности, на которую тем самым возлагается полная мера ответственности за судьбы других людей. Если человек не в состоянии вынести эту ответственность (а так почти всегда и происходит), его судьба оказывается трагичной и эта трагедия захватывает всех окружающих.

Все романы Достоевского содержат изображение этой трагедии, в которой личность, добровольно или по воле судьбы принявшая на себя ответственность за окружающих, идет к физиче-

ской или моральной гибели (Раскольников, Ставрогин, Версиков, князь Мышкин, Иван Карамазов). Эта трагедия общения лишней раз доказывает, насколько земное единство людей далеко от благодати и совершенства божественного бытия. В результате идея мистической земной взаимосвязи людей ведет Достоевского не к уверенности в победе добра и справедливости (как это было у Хомякова), а к концепции фундаментальной, неустранимой вины каждого перед всеми людьми и за все происходящее в мире.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие **выводы**.

1. По своим философским взглядам Достоевский относится к экзистенциализму, который получил дальнейшее развитие в XX веке. Как писатель, художник Достоевский относится к критическому реализму, основателями которого в России были А. Пушкин и Н. Гоголь. К критическому реализму относились все великие русские писатели XIX века: И. Тургенев, Н. Некрасов, М. Салтыков-Щедрин, Л. Толстой, А. Чехов, М. Горький и др.

2. В воззрениях Достоевского легко усматриваются дальнейшее развитие идей христианского гуманизма.

3. По Достоевскому, любовь и познание суть два главных предназначения человека.

4. Достоевский выступает против односторонних, рационалистических представлений о человеке.

5. Как утверждает великий писатель, в человеческой душе заложены самые различные тенденции, как положительные, так и отрицательные. Человек – это творческий центр реальности, разрушающий все границы, положенные миром, преодолевающий все внешние закономерности.

6. Вслед за Пушкиным Достоевский оказался художником, глубоко отразившим в своем творчестве «диссонансный» характер русской культуры и русского мировоззрения. Наивысшие достижения Достоевского как мыслителя связаны с разработкой темы свободы. Но свобода, без которой человеческое существование невозможно, есть не только желание для человека, но и тяжесть, которую человек не всегда в состоянии нести.

7. Творческое наследие великого русского писателя играет «духовно-подъемную» роль в наше время, когда в России, в Украине целенаправленно и изоциренно внедряется опасная доктрина Даллеса, направленная на деградацию общества, разрушение славянских и гражданских основ духовно-нравственного воспитания.

8. В этих условиях положительную роль должно сыграть православие, горячим сторонником которого был Достоевский. В современном

православии, наряду с религиозным вероучением, присутствуют и общечеловеческие духовно-нравственные основы, которые в сочетании с современными научно-техническими достижениями могут играть значительную роль в духовном воспитании молодежи.

9. Ф. М. Достоевский глубоко раскрыл сущность русского национального характера, его высокую человечность и отзывчивость, готовность прийти на помощь всем страждущим, оскорбленным и униженным. Он блестяще раскрыл сложную диалектику русской души.

10. Ф. М. Достоевский, также как Н. В. Гоголь, Л. Н. Толстой, разрабатывал концепцию личности с учетом глобальных идей, выдвигавшихся в философии и во всей культуре XIX века.

11. Как и его единомышленник Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский отрицал историческую правомерность революционного насилия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кудрявцев Ю. Г. Три круга Достоевского / Ю. Г. Кудрявцев. – М. : Гранд, 1979. – 574 с.
2. Бердяев Н. А. О русских классиках / Н. А. Бердяев. – М. : Гардарики, 1993. – 732 с.
3. Лаут Р. Философия Достоевского в систематическом изложении / Р. Лаут. – М. : Омега-л, 1996. – 643 с.
4. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30-ти т. / Ф. М. Достоевский. – Л. : Госиздат, 1972–1990. – Т. 14. – 715 с.
5. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30-ти т. / Ф. М. Достоевский. – Л. : Госиздат, 1972–1990. – Т. 6. – 674 с.
6. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30-ти т. / Ф. М. Достоевский. – Л. : Госиздат, 1972–1990. – Т. 5. – 597 с.
7. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30-ти т. / Ф. М. Достоевский. – Л. : Госиздат, 1972–1990. – Т. 9. – 824 с.